

Пролог

Мы познакомились в пятом классе. До этого момента даже не знали о существовании друг друга. В нем не было ничего особенного. Обычный мальчишка. Короткие светлые волосы, широкая улыбка и шkodный взгляд. Сначала я едва не расплакалась, когда нас посадили за одну парту. Он казался страшным хулиганом. Я слышала, как он с другими мальчишками обзывал девчонок-младшеклассек. Но выбора не было, я слишком стеснялась подойти к учительнице и попросить пересадить меня. Оставалось надеяться, что все будет не так уж и плохо.

— Привет, — сказал он.

Поморщившись, я бросила взгляд через плечо. На соседнем ряду за третьей партой сидела моя лучшая подруга. Оксана сжала правую руку в кулак, показывая, что нужно держаться.

— Ты что, немая?

— Привет, — тихо выдавила я.

— Я Богдан.

Глаза полезли на лоб, а сердце застучало в ушах. Богдан протянул мне руку, а я все не решалась ее пожать.

— Богдана, — прохрипела я и уставилась в парту.

Он наклонился и повернул голову, заглядывая мне в лицо:

— Ты шутишь?

— Нет.

— А фамилия?

— Лисецкая.

— Значит, Лисенок?

— Нет. Просто Богдана.

— Что ж, Богдана... Приятно и все такое. Надеюсь, ты умная. Косички заплела, значит, умная. Буду у тебя списывать. Рот раскрылся в немом «о».

— А у тебя какая фамилия? — спросила я, нахмутив брови.

— Кошик, — самодовольно улыбнулся сосед.

— Ульяна Алексеевна! Отсадите меня от Кошакá. Я не хочу сидеть с ним.

Класс взорвался смехом. Кто-то начал повторять «кошáк, кошáк». Учительница смотрела то на меня, то на покрасневшего от стыда Богдана.

— Да и я не горю желанием видеть твою лисью морду каждый день, — злобно выплюнул он.

Одноклассники заулюлюкали, снова послышались смешки.

— А ну, тихо! Успокоились все! Рассадка окончательная и обжалованию не подлежит. — Ульяна Алексеевна поправила очки и снова уткнулась носом в журнал.

Я чувствовала, как горит лицо и как светло живот от волнения. Казалось, вместо того чтобы завести в новом классе друзей, я заимела первого настоящего врага. Но я ошибалась.

Очень ошибалась.

Глава 1

Не могу поверить, я — десятиклассница. Когда-то это было мечтой, а теперь... Малышня заглядывается с любопытством, мальчишки из параллели смотрят влюбленными глазами, а одиннадцатиклассники без конца зовут на свидания. Да-да. На свидания. Только все это не про меня. Рассказ о моей скромной персоне закончился после слова «десятиклассница».

Сижу у фонтана и с грустью смотрю на здание школы. Три круга ада. Точнее, три этажа и спортивная площадка. Только за одно я благодарна этому месту. У меня есть два лучших друга. Одного из которых я и жду. Одну...

Оксанка вырывается из дворов. На ней белая шелковая блузка, короткая плиссированная черная юбка и любимые босоножки на шпильке со стрекозами. Шагает так, словно идет по подиуму. Легким движением руки поправляет светлые длинные волосы, а второй придерживает крошечный рюкзачок. Она у меня классная. Веселая, смелая и очаровательная. А я в нашем дуэте отвечаю за ум, скромность и вечный пессимизм. Мы по-честному разделили обязанности.

Поднимаюсь на ноги и развожу руки в стороны для приветственных объятий.

— Бо, ты обещала, что тоже пойдешь в юбке. Мы же договорились! — недовольно произносит Окси и обнимает меня, покачиваясь из стороны в сторону.

— Тогда бы вся школа потеряла дар речи от неземной красоты моих ног. Пусть будет только половина. Ты отлично выглядишь. Не устанешь на каблуках ходить весь день?

— Не должна, но если что... я всегда могу их снять, верно?

Она смеется, а я улыбаюсь.

— Верно. Ну что? Еще один год каторги?

— Предпоследний год. Нужно успеть сделать все.

— Например, начать готовиться к ЕГЭ?

— Нет, конечно! Замутить со всеми симпатичными старшеклассниками.

— Разве у тебя в списке кто-то остался?

Оксана кокетливо пожимает плечами и берет меня под руку, шагая к перекрестку:

— Завалилась еще парочка. Кстати, тебе бы тоже не мешало с кем-нибудь замутить.

— Мне и так хорошо, спасибо. Хоть кто-то должен оставаться в сознании.

— Влюбленность — это прекрасно!

— Ага, до тех пор, пока ты не узнаешь, что предмет твоих воздыханий тискает какую-то мымру в «Колизее», после того как проводил тебя домой.

— Ден был козлом с самого начала. Я это знала. Но все равно он был та-а-акой романтичный...

Передружба. Недоотношения

— Когда? Когда считал твои зубы?

— Прекрати, Бо. Когда влюбишься, то тебе будет только в кайф...

— Фу! Ни за что! Это же твой язык. Он должен находиться у тебя во рту, а не у кого-то другого.

— Вот именно поэтому у тебя и нет парня.

— Мимо. Все потому, что я почти все время нахожусь рядом с красоткой, от которой невозможно отвести взгляд.

— Ты тоже красивая, — серьезно заявляет Окси.

Входим в школьный двор. Старая разбитая плитка не очень подходит для тонких шпилек, и Окси крепче сжимает мою руку.

— Да я богиня! Никто не спорит, — усмехаюсь, — Афродита... Просто не всем дано это увидеть.

Из-за торгового центра вырывается толпа ребят. Замечаю его мгновенно. Идет впереди. Белая рубашка навыпуск, синие джинсы. Кому-то сегодня влетит.

— Оп-па, — наклоняется ко мне Окси, останавливаясь перед крыльцом. — Ему дано, да?

— Прекрати. Мы просто...

Богдан ураганом налетает на меня и поднимает в воздух:

— Лисичка-сестричка!

Он кружится на месте, обнимая меня за талию и отрывая от земли. Сердце оживает, лицо горит, но я стараюсь казаться недовольной. Это часть образа. Я никогда не смеюсь, если смеются все. Не кокетничаю. Не туплю. Не веду себя глупо. Серьезность во всем. Максимальная сосредоточенность.

— Отпусти, Кот. Мы не виделись месяц, а не десять лет.

— Целый месяц, Лисенок. Я соскучился.

Богдан опускает меня на землю и крепко обнимает.

— Отойди от меня, пепельница. Хоть бы жвачкой воспользовался. Сейчас Ульянушка учует, и «Привет, директор».

— За-ну-да! — закатывает глаза Богдан.

Он поворачивается к Оксане, обнимая меня за плечи, и произносит дерзко:

— Классная юбка.

Моя очередь закатывать глаза.

— Ты заметил только юбку? — недовольно спрашиваю я.

— Да и все остальное ничего.

— Я не твоя сметанка, Кот, так что не облизывайся, — отвечает Оксана, выдавливая снисходительную улыбку.

— Кот! Ты идешь?! — кричит Вадик.

— Ты, кстати, тоже на уровне, Лисенок. Только щеки сдуй, а то лопнешь, — тихо говорит Богдан и уносится следом за бандой.

— Вы два дурака, честно! Сколько можно, Бо? — говорит Оксана таким тоном, словно я только что оторвала ее драгоценных стрекоз от босоножек и отправила в полет прямо в кусты.

— Можно что?

— Ты хочешь, чтобы я сказала это в миллионный раз? Серьезно?!

— Не начинай, прошу тебя, — в ужасе качаю головой. — Мы уже опаздываем на линейку.

— Скажи ему!

Крепко зажмуриваю глаза в надежде, что, когда их открою, все закончится.

— Лисецкая! Ты-то мне и нужна!

— Галина Витальевна! — радостно здороваюсь с завучем. — Доброе утро.

— Доброе, Богдана, — вздыхает она. — Стасик приболел. Линейку будешь вести ты.

— Но я...

— Больше никому!

И какой черт меня дернул участвовать в конкурсе чтецов в пятом классе? Хотя чего это я? Знаю какой. Маленький белобрысый чертик, оставивший заявку вместо меня. Я выиграла тот конкурс ему назло, а в качестве приза получила роль бессменной ведущей всех школьных мероприятий, от которой никак не могу избавиться.

— Увидимся после линейки, — грустно улыбаюсь подруге и шагаю за завучем, опустив голову.

Только бы они не сильно изменили текст с прошлого года.

— Привет, Бо! — верещит Маруся.

Киваю однокласснице и утыкаюсь носом в планшет.

— Ты сегодня ведешь? А чего в штанах? Ой! У тебя волосы выгорели или ты покрасилась? Тебе идет, хотя твой яркий рыжий тоже красивый. А я сегодня пою новую песню...

Мозг медленно плавится. Фонтан по имени Маруся Стрельникова невозможно заткнуть. Мы учимся вместе с первого класса, и я хорошо к ней отношусь, но... Опу-

скаю взгляд и вижу знакомых стрекоз, только не черного, а золотого цвета. Оксанка зовет Марусю «ксерокс». И это еще не все ее особенности.

— Знаешь, мы с родителями летали на Гавайские острова. Я так обгорела! Потом тебе фотки покажу, — щебечет Маруся.

Где только она не была: Англия, Франция, Япония... И конечно же, есть фотоотчет с каждой поездки. Но я больше чем уверена, что единственное классное место, которое она посещала, — курсы фотошопа.

— Ага, — отзываюсь, осматривая школьный дворик.

Еще один год. Предпоследний. Вглядываюсь в лица, тепло разливается по телу. Я знаю практически всех ребят. Может, не лично, но по именам и фамилиям точно. У нас небольшая школа, собственно, как и городок. И сколько бы я ни причитала, все равно по-своему люблю ее. Совсем немного.

Вижу свой класс. Вокруг Оксанки собралась кучка ребят, слушающих ее с раскрытыми ртами. Ромашова — наша звездочка. К ней тянутся все, пока она сама этого хочет. Иногда кажется, что без нее меня никто бы и не замечал, кроме как... Перевожу взгляд левее. Богдан смиренно терпит нотации от Ульяны Алексеевны, нашей классной руководительницы.

Любуюсь другом и понимаю, что тоже страшно соскучилась за этот месяц, что он был на спортивных сборах по легкой атлетике. Но показывать это я, естественно, не буду. Еще решит, что я дурочка, влюбленная в него с пятого класса...

— Лисецкая, готова? Что-то ты у нас и правда не очень торжественно выглядишь, — говорит Галина Витальевна.

Оглядываю свой наряд. Черные брюки с завышенной талией и белая легкая рубашка с шифоновыми рукавами-воланчиками. Что может быть торжественнее первого сентября? Свадебное платье?

— Можете попросить Виолетту, — киваю в сторону одиннадцатого «Г».

А вот и еще одна звезда и вечная соперница Оксанки. Цвиринько Виолетта Батьковна. Стоит красуется в фатиновой юбке и кружевном топе на широких бретелях. Ей бы букет поменьше, фату и... Вон Витька Шаповалов за ней два года бегаёт. Прямо с линейки в ЗАГС бы и отвел.

— Цвиринько! — кричит завуч и шагает к ней, размахивая руками так, что чуть не сбивает банты пятиклассницам.

— Ты идешь сегодня в сквер? — спрашивает Маруся, пританцовывая под фоновую музыку.

Нервничает, что ли? Она ведь тоже с пятого класса в рядах рабов сцены. Странно...

— Да, наверное. Если папа отпустит. Маруся, ты чего трясешься?

— Сюда должен прийти мой парень, мы с ним в «ВКонтакте» познакомились, — воодушевленно отвечает она.

Интересно, на этот раз он настоящий или тоже выдуманный, как и все предыдущие?

— Ты сразишь его. — Хлопаю одноклассницу по плечу и отхожу на позицию.

Звучат фанфары. Гомон стихает. Взгляды летят в меня точно стрелы, но ни одна из них не сбивает с ног. Дыхание ровное, только руки немного дрожат, когда подношу микрофон к губам:

Познать, запомнить все на свете,
Обдумать все и все понять,
За все на свете быть в ответе —
День знаний празднуем опять!
Раз праздник есть — он, значит, нужен,
А был бы повод в сентябре...
Вот желтый лист опять закружит
Осенний день в календаре.
Когда нужны и ум, и знания
...а значит, и жива душа...
Родится мир, сквозь испытания
Упорно к мудрости спеша!

Занимаю свое место в классе. Средний ряд, вторая парта. Олег Горбань садится впереди и оборачивается:

— Здравствуй, Богдана. Ты замечательно выступила. Мне очень понравилось.

— Здравствуй, Олег. Спасибо. Приятно, что ты оценил, — вежливо отвечаю я.

— Горбань, отвянь! — слышу насмешливый голос, который узнаю из тысячи.

Олег хмурится и отворачивается, а рядом плюхается Богдан и тут же опускает голову на сложенные руки.

— Ты же не должна была в этом году вести линейку.

— Галиша умоляла спасти праздник. Нельзя заменить гения, — высокопарно произношу я, задирая нос.

— Корона не жмет?

— Не-а. А тебе? — поворачиваюсь, вскидывая бровь.

— А я-то что?

Сама не знаю... Еще утром сложилось впечатление, что он стал каким-то... Другим? Кот всегда был задирой и хулиганом, но ничего криминального. Безобидные шутки и проделки. Перетащить все лавочки в один коридор или закрыть физрука в тренерской. Но сейчас он смотрит на всех так, будто стал выше на три головы и узнал тайны вселенной.

— Итак, дети! — Ульяна Алексеевна встает перед доской. — Вы уже взрослые, поэтому лекцию по дисциплине и важности учебного процесса я...

— Не будете нам читать? — радостно спрашивает Вадик.

— Не угадал, Шевчук! Прочту дважды, а может, и трижды.

Слышатся страдальческие вздохи, но перечить Ульянушке никто не решится. Хватка у нее стальная, а разговора один на один никто без слез не выдерживает. Даже мальчишки, хоть они и не признаются.

— Разбудишь меня, как все закончится? — шепчет Богдан и закрывает глаза.

— Снова рубился в игрушки всю ночь? Когда ты уже повзрослеешь?

— Нет. Я переписывался.

— С кем это? Нашел себе на сборах новых крутых друзей?

— Лисенок, самая крутая у меня ты. Но кое-кого я все-таки нашел. Девушку.

Сердце останавливается, но мозг продолжает работать на остатках крови, что прилетела к нему с последним сильным толчком.

— Слава богам «Майнкрафта»! Я уже думала, придется тебя лет через двадцать вести на «Давай поженимся».

— Ха-ха-ха... Как же сильно ты меня любишь, — отвечает Кот, подавляя зевок. — Я тебе потом все расскажу.

— Окей, — отвечаю максимально незаинтересованно, а сама уже пишу сообщение Оксанке с кучей ревущих смайликов.

— И последний вопрос на сегодня, — торжественно произносит Ульяна Алексеевна, в тысячный раз поправляя очки, — где и с кем вы будете сидеть первое полугодие?

Богдан поднимает голову и выпрямляется.

— Ну что, Кошик? — говорит классная руководительница. — Может быть, в этом году обойдемся без представления?

— Все зависит от вас, Ульяна Алексеевна, — отвечает Кот, выдавая лучшую из своих обворожительных улыбочек, которая обычно позволяет ему выпутываться из всех передряг.

— Да сиди уже со своей Лисецкой. Если только Богдана не против.

Взгляды присутствующих устремляются на меня, вызывая жар нервного расстройства. Чувствую себя котом, которому на спину приклеили кусок скотча.

— Э-э-м-м... Да я...

— Она не против, — вмешивается Богдан.

— Отставить диктаторские наклонности, Кошик!

Я спросила не тебя.

Ого! Что ж Ульяна Алексеевна сразу так не прислушалась к моему мнению. Правда, тогда мы с Котом точно бы стали врагами. Общая территория нас очень сблизила.

Это произошло не сразу, после череды мелких пакостей и подстав. Мы столько наслушались от учителей из-за постоянных бурных перепалок, что страшно вспоминать, но под конец пятого класса все изменилось. Ругань превратилась в тихие переговоры во время уроков и глупые переписки на листках, вырванных из середины тетрадей. Часть из них я до сих пор храню в тайной шкатулке. И когда в шестом классе нас попытались рассадить, Богдан устроил скандал. Обещал бросить школу, если ему не разрешат сидеть со мной за одной партой. Ульянушке пришлось сдаться. Хотя мне кажется, ее скорее убедили мои жалостливые слезы, чем крики Кота. В любом случае в начале каждого года пытаться разлучить нас стало уже чем-то вроде традиции нашего класса.

— Ульяна Алексеевна, я не против. Он же без моего контроля совсем скатится, — покровительственно хлопаю Кота по макушке.

— Ну что с вами делать? Сидите. А вот остальных ждет переезд. Шевчук! На первую парту.

— Ульяна Алексеевна! Почему?

— По полу, Шевчук! Ножками, топ-топ. Макаренко, покажи, как это делается?

- За что? — возмущается тусовщица Светка.
 - За парту, Света. Лето вас совсем расслабило, элементарных вещей не понимаете.
 - Ух ты! Сегодня быстро отстрелялись, — шепчет Кот, сладко потягиваясь.
 - Ага, — нервно вожу телефоном по столу. — Выспался?
 - Подзарядился, чтобы дойти до дома и бахнуть спать.
 - Ты идешь в сквер вечером?
 - Да... Наверное...
 - А девушка твоя против не будет?
- Богдан хитро прищуривается и улыбается:
- Думаю, она вряд ли сможет следить за мной, находясь за несколько сотен километров.
- Кто еще из нас лис?
- Не успел найти, а уже обманываешь?
 - Не занудствуй, Бо. Ты когда-нибудь перестанешь относиться ко всему так серьезно?
 - И превратиться в такого «аля-улю-паси-гусей», как ты? Нет уж. Спасибо.
 - Вре-ди-на, — кривляется Кот и показывает язык.
- Сдерживаю улыбку, скрываясь за любимым маневром — цокаю и закатываю глаза.
- Так что это за фея, которая тебя зачаровала?
 - Ее зовут Настя. Она тоже занимается легкой атлетикой.
 - Надеюсь, она не курит, как паровоз.
 - Нет, — хмыкает Кот.

Передружба. Недоотношения

— Так она из другого города? И как вы собираетесь... Ну... Встречаться?

— Двадцать первый век, Бо. — Кот машет перед моим лицом телефоном. — Знаешь, что это за коробочка? По ней можно разговаривать с людьми на расстоянии. Это как телепатия, только без магии.

— Какой ты умный. Фантастика. Сам давно перестал слать письма в Хогвартс?

— Говорит та, которая собиралась поступать в Алфею. В шутку бью его по плечу:

— Ой, заткнись!

— Хочешь, покажу мою Настю? Оценишь.

Ох, нет. Только не это. Вдруг я начну плевать кислотой или еще что похуже.

— Все свободны. Увидимся завтра, — произносит Ульяна Алексеевна.

— Кот, мне нужно бежать. Скинь мне в «ВК» ее страничку, окей? — Подрываюсь с места так быстро, что врезаюсь в бедного Олега.

— Богдана, мне так жаль. Ты не ушиблась?

— Все нормально, — лепечу я.

Оксанка появляется очень вовремя. Хватает меня под руку и утаскивает на выход. Моя спасительница!

— Допрыгалась?! А я тебе говорила! Говорила!

— Не нагнетай, пожалуйста... — жалобно прошу я, едва переставляя ноги.

— И что теперь? Будешь и дальше страдать по нему?

— Я не страдаю. — Пытаюсь вернуть на место защиту, но она кажется неподъемной.

— Не страдает она. Сопли вон! Пузырями!

— Нет у меня никаких соплей!

Оксана садится на скамейку в «нашем» дворе, куда мы обычно приходим после школы, чтобы поболтать, и скидывает босоножки.

— Ты ее видела?

— Нет. Но Кот обещал прислать ссылку на ее страничку.

— Сто лет будем ждать. Дай сюда!

Она выхватывает у меня телефон и хмурит брови, водя пальцем по экрану.

— Что ты о ней знаешь?

— Ее зовут Настя, она занимается легкой атлетикой и живет где-то в нашей области.

— Ага... Так... Настя-Настя, ты наше несчастье. Вот же блин блинский!

— Оладушек сметанный! — вскрикиваю я, усаживаясь рядом, и заглядываю в телефон.

Это конец... Конец моих мечтаний о том, что мы с Богданом когда-нибудь могли бы стать кем-то большим, чем друзья. Светлые густые длинные волосы, нереальной длины ресницы. Губки бантиком, а грудь... Грудь!

— Так! Не вешать нос, Бо!

Нервно усмехаюсь, глядя на фото счастливой парочки, щека к щеке. Настенька широко улыбается, а Кот, как всегда, серьезный, но глаза шkodные-прешkodные. Сердце пару раз ударяется в ребра и затихает. Правильно. Какой теперь в этом смысл?

— Это еще ничего не значит, Бо. Курортный роман никогда не живет дольше пары недель после возвращения домой. Вспомни моего Руслана из лагеря. А Костика из санатория?

— Оксан, ты ведь сама их бросала, — расстроено качаю головой. — Без вариантов.

— Ой! Думаешь, Кот так сильно кому-то нужен, кроме тебя? Даю им восемь дней. Вот увидишь, он прибежит к тебе как миленький. Нальешь ему блюдце молока, погладишь по шерстке.

Забираю мобильник и жму на кнопку блокировки, чтобы отправить во тьму доказательство своего провала.

— Ты говоришь мне это пять лет.

— Тебе нужно что-то предпринять. Хватит быть для него Лисичкой-сестричкой. Все! Решено! Ты все время отпираешься, но на этот раз сделаем по-моему. И никаких возражений!

— Не буду я ничего делать!

— Цыц! Тетя Окси знает, что говорит. Мы мало того, что спровадим новоиспеченную бейбу бежать марафон в дремучий лес, так еще и заставим Кота заметить, что рядом с ним есть прекрасная девушка.

— Прекрасная девушка? — хмыкаю я. — Ты, что ли?

— Не я, дуреха! Ты!

— О-о-о... А то он за все пять лет не разглядел.

— Так! — Оксанка поднимается на ноги и вскидывает вверх указательный палец. — Больше оптимизма. Я приду к тебе в пять. Вместе соберемся и начнем операцию. Кот же будет в сквере сегодня?

Алекс Хилл

— Наверное, — отзываюсь без особого энтузиазма. —
Слушай, забор сколько ни крась, он все равно забор.

— Шуруй домой. — Оксанка тянет меня за руки. —
Поспи. И не думай сидеть на ее страничке три часа
и сравнивать. Поняла?

Поняла... Буду сидеть четыре.

— Мне нужно еще у папы отпроситься.

— Уж постарайся. Все. До вечера!

Оксанка звонко чмокает меня в щеку и уносится в сто-
рону дома, а я медленно бреду к своему. Достая телефон
и снимаю блокировку.

Глава 2

Открываю дверь, надеясь проскользнуть в ванную комнату незамеченной, но Редиска несется ко мне со всех четырех ног, неустанно открывая мелкую пасть и издавая звуки, которые ну никак не похожи на лай нормальной собаки.

— Цыц, сатаненок! Кто тебя придумал? — шепчу я, падая на пол, чтобы приласкать неугомонного любимца.

Мама во время второй беременности периодически сходила с ума и в один из таких дней притащила домой карликового пинчера. А выходила ведь всего лишь за редиской, отсюда и имечко у этой пародии на собаку.

— Лисенок, это ты? — доносится ласковый голос мамы.

— Нет! Твоя внебрачная дочь из Саранска!

— Какая еще внебрачная дочь? — басит папа, появляясь в коридоре.

Он поправляет очки, съехавшие на крупный вздернутый нос, который достался и мне. Его волосы торчат рыжими иголками во все стороны, на футболке свежее пятно от кофе. Еще не ложился? Похоже на то...

— Леля! — кричит он. — Я чего-то не знаю? У нас в квартире чужой ребенок?

Мама выходит из кухни, перетянутая оранжевым слингом, внутри которого прячется маленькое белобрысое чудо, и сдувает со лба светлую челку.

— Леша, ты издеваешься? Она твоя копия. Даже тест ДНК не нужен. Лисенок, как в школе? Посмотрела на линейку со стороны?

— Ага... Как же... Меня все равно заставили быть ведущей.

— Так это же хорошо. Значит, тебе доверяют. — Мама всматривается в мое лицо, в ее голубых глазах мелькает понимание. — Милая, что-то случилось?

— Нет. Я просто... не выспалась.

Поднимаюсь с пола под тьякванье Редиски и подхожу к маме, чтобы поздороваться с младшей сестрой. Ангелина беспокойно подергивает соску, хлопая длинными ресницами.

— Хочешь, я ее покачаю?

— Нет. — Мама гладит меня по щеке, встревоженно глядя в глаза, которые я упрямо пытаюсь отвести. — Иди поспи. Мы сейчас покушаем и тоже пойдем отдыхать. И кое-кто, кстати, тоже. — Она меняет тон на строгий и впивается взглядом в отца. — Леш, ну сколько можно? Не убежит твой проект. Ты себя видел? Суп на плите. Есть и спать! Из меня недавно вылез человек, так что я за себя не отвечаю.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Вымученно улыбаюсь родителям и ухожу в свою комнату. Закрываю дверь и прислушиваюсь к их шепоту.

— У нее глаза красные, — говорит папа.

Передружба. Недоотношения

- Да. Я заметила.
- Думаешь, наркотики?
- Леша, ты с ума сошел? Хуже. Думаю, мальчики.
- Уже пришло время? Доставать ружье и битую?
- Закупайся успокоительными, Леш. Больше нам ничто не поможет.

Божечки-кошечки... Только бы они не вздумали проводить со мной воспитательную беседу. Я этого не переживу.

Подхожу к кровати и падаю на покрывало. Сигнал сообщения не дает расслабиться. Ну кто там? Проверка от Окси? Хочет узнать, не бросилась ли я под машину по дороге домой?

Ком: «Зацени! *ссылка на страницу ВК*»

Боль в груди напоминает о глупой обиде. Он мой друг. Друг! Хватит уже. Ну пожалуйста...

Бо: «Вы отлично смотрите *смайлик с глазами-сердечками*»

Хорошо, что по SMS нельзя узнать, как на самом деле выглядит человек в момент отправки текста. Самый удобный способ общения для лжи.

Ком: «Спасибо *улыбочка*»

Фыркаю, опуская на кровать руку с телефоном. По щекам бегут слезы. Вибрация вновь ударяет в ладонь. Неужели мало похвалила?

Ком: «Ну а ты, Лисичка-сестричка? Как на личном? Я готов тестировать твоих потенциальных парней *смайлик — улыбающийся чертенок* *смайлик-пистолет*»

Бо: «О-о-о-о... Их целый вагон набрался за тот месяц, что тебя не было. У тебя не останется времени на собственные отношения, поэтому не парься. Я справлюсь *смайлик в темных очках*»

Ком: «Ты же знаешь, что для тебя я всегда найду время».

Запихиваю телефон под подушку. Наверное, правда стоит поспать, иначе к вечеру я опухну от слез так, что точно никуда не пойду. А может, и не стоит? Зачем мне в сквер? Я не люблю шумные компании. Чувствую себя лишней. Меня в них, кстати, тоже не жалуют. Лучше выплусь и отдохну хорошенько перед первым учебным днем.

В ушах звенит песня корейской группы. Вслепую ищу в постели телефон и принимаю звонок.

— Я уже иду к тебе! — бодро произносит Оксанка.

— М-м-м...

— Ты там что, дрыхнешь и сны про пирожки смотришь? А ну, вставай!

— Оксан, я подумала...

— Ла-ла-ла... Ничего не слышу! Пш-ш-ш... Бо! Я уже скоро буду. Пш-ш-ш-ш... Ваш звонок будет прерван, поэтому просыпайтесь и бегом в душ!

Этот бульдозер уже не остановить. Поднимаю тяжелую голову с подушки и плетусь на кухню. Мама сидит за столом перед чашкой с зеленой жижей, которую она зовет чаем для похудения.

— Проснулась, солнышко. Покушаешь?

— Нет, мам, не хочу, спасибо. Вообще-то я к тебе с вопросом.

— Я тебя внимательно слушаю, — настороженно произносит она.

— Сегодня вроде как праздник, и все одноклассники идут в сквер...

— Милая, ты же знаешь, кто у нас решает эти вопросы...

Знаю! У папы полгода назад начался «родительский кризис». Он заметил, что я отпрашиваюсь только у мамы, и загрустил. С тех пор, чтобы подбодрить его, мама каждый раз заставляет меня разыгрывать спектакль «папочка, миленький, разреши любимой доченьке погулять».

— Ну, ма-а-ам, — тяну я.

— Ну, до-о-очь, — передразнивает она.

Вздыхаю и направляюсь в гостиную. Папа сидит за компьютерным столом и смотрит в монитор.

— Уделишь минутку старшему ребенку?

Присаживаюсь на диван, потому что знаю, минуткой точно не обойдется.

— Даже две, — отзывается он и поворачивается на крутящемся кресле, отталкиваясь ногами от пола.

— Отпустишь меня погулять сегодня? — выпаливаю как на духу и прищуриваюсь в ожидании града вопросов.

— Куда? С кем? Надолго? Что вы там будете делать? Пить? Курить? А мальчики будут? Кто? Имена, фамилии...

— Папа-а-а-а... — Откидываюсь на мягкую спинку дивана, задирая голову. — В сквер. С одноклассниками. В десять вернусь. Ничего запрещенного делать не буду. Идет весь мой класс. У тебя на каждого уже досье есть.

— Богдан будет?

— Да.

— Давай телефон. Я хочу поговорить с ним.

— Ты шутишь?

Слышу за спиной тихое хихиканье матери. Оглядываюсь, включая умоляющий взгляд, который разворачивает огромный транспарант над моей головой с надписью: «Спаси!», но она лишь продолжает улыбаться.

— Я должен быть уверен, что за моей дочкой будет присматривать взрослый человек, которому я доверяю, — безапелляционно заявляет папа.

Делать нечего. Соппротивление только оттянет неизбежное. Набираю номер Кота, тяжело вздыхая. И так каждый раз. На самом деле это довольно унижительно. Кто еще за кем присматривает?

— Бо? — слышу в трубке удивленный голос друга.

— Кот, тут...

Не успеваю больше ничего сказать, потому что папа выхватывает телефон и прижимает его к уху.

— Здравствуй, сынок. Это дядя Леша. Ну как ты? Как сборы? Ты уже так давно к нам не заходил, мне не с кем смотреть футбол.

И начинается... Футбол, триатлон. В общей сложности папа болтает с Богданом десять минут, прежде чем перейти к первостепенной теме разговора.

— Тут наш Лисенок гулять намылилась. Мне как-то беспокойно.

Не слышу, что говорит Кот, но по папиному лицу понимаю, вещи правильные. Морщины на напряженном лбу разглаживаются, взгляд светлеет.

— Спасибо, сынок. Смотри мне! Я только тебе ее доверяю. Жду на выходных.

Папа возвращает мне телефон, довольно улыбаясь. Отеческий долг выполнен. Ура! Проигравших нет, но есть пострадавшие. Мое самолюбие, например.

— Теперь я могу пойти собираться?

— Еще пока нет. — Папа качает головой.

Вскакиваю на ноги и бросаюсь ему на шею.

— О великий отец клана Лисецких! Спасибо за доброту и доверие! Спасибо за...

— Все-все! — смеется он. — Иди уже.

Тихая трель дверного замка доносится из коридора.

— Это Оксанка, — отвечаю на немой вопрос родителей и бегу открывать дверь.

— Тебя отпустили? — кидает она с порога.

— Да!

— Отлично, — улыбается Окси.

Замечаю в ее руках пакет и делаю шаг назад:

— Не говори мне, что там...

— Моя одежда и косметика. Нам нужна тяжелая артиллерия.

— Я ее не унесу.

— У тебя нет права голоса. — Оксанка смело заходит в прихожую и скидывает босоножки. — Здравствуйте, тетя Лель.

— Девочки, может, чайку?

— Мне, пожалуйста, с двумя ложками валерьянки, — произношу я.

Смотрю в зеркало после часа мучений. Оксанка могла бы пытаться людей плойкой и бесконечными «не ерзай», «не моргай».

— Теть Ле-е-ель! — кричит Окси, приоткрыв дверь в комнату. — Вот теперь можно!

Она пропускает маму с малышкой на руках. Перевожу на них взгляд и медленно возвращаюсь к своему отражению.

Что это за уродец?!

Кудри сделали волосы короче, а голову круглее. Рыжий одуванчик-мутант. Черные стрелки на глазах делают меня похожей на японку, а яркая темная помада превращает губы в кружок, словно я украли соску у младшей сестры. Блузка на моем минус первом размере груди болтается, юбка слишком натянута на широких бедрах. На секунду теряю равновесие в Оксанкиных босоножках, подворачивая ногу, и еле сдерживаю истерический вопль.

— Ну-у-у... — тянет Оксанка. — Что скажете?

Мама ошарашенно хлопает ресницами.

— Непривычно, конечно, но... — с умным видом начинает Окси.

Передружба. Недоотношения

— Это что такое?! — Папина голова выглядывает из-за маминой макушки. — Кто это? Где моя дочь?!

— Пошли, Леш. Девочки сами разберутся, — говорит мама, включая задний ход.

— Что?! Да я из дома ее не выпущу в таком виде!

Несмолкаемое бурчание папы доносится из-за закрытой двери. Тяжелый вздох слетает с губ.

— Не нравится? — расстроено спрашивает подруга.

— Оксан, это все подходит тебе. И кудри, и помада. А я — заготовка под человека. Мне нужно что-то попроще.

— Перестань наговаривать! Сейчас мы все поправим.

— Знаешь, все это так глупо. Я пас, серьезно. Не хочу. Сбрасываю босоножки и стягиваю блузку через голову.

— Но...

— Хватит!

— Ты совсем не хочешь идти?

— Нет. Мы пойдем. Зря я, что ли, отпрашивалась? Сейчас только вернусь в свой привычный образ — и двинем.

— Образ американского бомжа?

Оксана обессиленно плюхается на постель, и я кидаю ей в голову юбку.

— Эй! Я вообще-то помочь хотела!

— Знаю, — произношу ласково. — И спасибо, но... — снова смотрю в зеркало.

Мне до Оксаны или той же Настеньки, как до Китая в роликах. Ну не такого я типажа.

— Я не собираюсь меняться ради кого-то. Не нравлюсь такая, как есть? Значит, не судьба.

Хватаю расческу и провожу по тугим кудряшкам, которые, словно издеваясь, тут же возвращаются в исходное положение. Хорошая треть моих волос пала смертью храбрых и теперь захоронена в братской могиле, где на мемориальной доске написано «Тангл Тизер».

— Ты их клеим побрызгала?

— Мусс сильной фиксации. Нужно мыть голову.

— Сколько у нас еще времени?

— Опаздываем на полчаса.

— Справлюсь за десять минут. — Вытаскиваю из комода первую попавшуюся футболку и снова кидаю в Оксанку. — Погладишь?

— Серьезно?! «Мне неприятно». Да с такой надписью к тебе точно никто не подойдет!

Закатываю глаза и роюсь дальше в ворохе одежды. Достая еще одну футболку и снова бросаю. Второй пошел, полет нормальный.

— Эта без надписи.

— Здесь какой-то мальчик с красным шариком. Жуть.

— Гладь давай! — усмехаюсь я. — И между прочим, фильм классный. Про клоуна. Все, как ты любишь.

— Фу! Замолчи! Бр-р-р... Просила же не напоминать мне об этих монстрах.

— Милая...

Дергаюсь от неожиданности и ударяюсь затылком об кран, под которым, скрючившись буквой «зю», пытаюсь отмыть волосы от мусса фирмы «Момент».

— Мам! Чего так пугаешь? А если бы я пробила голову?

— Давай помогу.

Чувствую ее пальцы в волосах. Нежные, успокаивающие.

— Знаешь, Лисенок... Ты у меня и так красавица.

— Я кусок тебя. Ты не можешь говорить по-другому.

— Мой самый красивый кусочек, — смеется она. — А если серьезно, все это ерунда, Бо. Если хочешь кому-то понравиться, нужно оставаться собой. Влюбляются не в прическу, не в макияж и не в одежду.

— А во что тогда, мам? Только на таких ведь и смотрят. Таких любят.

— Неправда. Для любви нужно куда больше, чем внешность.

Мама выключает воду и набрасывает мне на голову полотенце, промакивая волосы. Вытирает лицо и щелкает по носу.

— Кто-то обязательно влюбится в твои веснушки или улыбку. В твой вечный сарказм и страсть к кукурузным палочкам. В твою смелость. Доброту. Обаяние.

— Все-все... — смущенно отвожу взгляд.

— А возможно, уже влюблен.

— Если бы это было так, я бы знала...

— Необязательно. Может, момент еще не настал.

— Момент для чего?

— Беги, милая. Я обезвредила отца, вручив Ангелочка, но скоро они будут рыдать на пару. Ты ведь не хочешь часовой разговор о пестиках и тычинках?

На всех парах несусь в комнату. Сушу волосы, радуюсь, что они от природы прямые. Матирующий крем на лицо. Немного сияющего хайлайтера на скулы, гель для бровей и два взмаха тушью для ресниц. Натягиваю свободные джинсовые шорты и футболку, которую любезно протягивает Оксана.

— Последний штрих, — заявляю театрально и наношу на губы клубничную гигиеническую помаду. — Ну как?

— Пошли, бомжонок. Хорошо, что у меня есть план «Б».

Оксанка хватает меня за руку и тянет в коридор. Зашнуровываю кеды. Подруга изящно впрыгивает в босножки.

— Какой еще план?

Вырастаю рядом с ней, распрямляя спину. Обе смотрим в большое зеркало, висящее на стене. Небо и земля. Красивая девушка и... просто я. Не уродина, но и не модель. Что-то болезненно сжимается внутри. Зависть? Уходи, уходи... Не хочу это чувствовать.

— Будем давить психологически, — подмигивает Окси в отражении.

— Что-о-о?

— Расслабься. Предоставь это мне. — Она снова хватает меня за руку и открывает входную дверь. — Мы ушли!

— Удачи, девочки! — отзывается мама.

— Куда?! Я еще не одобрил внешний вид! — кричит папа, но мы уже бежим вниз по лестнице.

Осенний вечер ощущается как летний. Только ветерок уже веет холодом, обещая скорые перемены. Сквер, в который мы направляемся, находится недалеко от школы и от моего дома тоже. Десять минут — и на месте. Поэтому, пока есть время, пытаюсь выпытать у подруги подробности очередного сумасшедшего плана, который она придумала.

— Что ты собираешься делать? Только не начинай про привороты и магию убеждений.

— И не собираюсь. Я всего лишь влезу ему в голову и наведу там порядок. Как и тебе...

— Оксан, ты с ума сошла? Фантастики пересмотрела?

— Бо, успокойся. Я просто подберусь поближе, выведу его на откровенный разговор, задам парочку нужных вопросов и дам несколько дельных советов и... вуаля! Кошачьи глазки откроются в правильном направлении.

— С чего ты взяла, что он будет тебя слушать?

— Все слушают, Бо. Даже ты.

Это факт. Иногда мне кажется, что эта девчонка ангел, а иногда... что она — сущий дьявол.

— Подбородок повыше. Улыбайся, Бо. Тебе должно быть весело.

— Почему?

— Потому что, по легенде, мы задержались из-за свидания.

— Какого еще свидания?!

Оксана выпрямляет спину и замедляет шаг, как только мы выходим на ровную дорожку из серой плитки. Впереди видны лавочки-кубики, построенные вокруг

квадратных клумб, на которых уже расположились одноклассники и ребята из параллели.

— Всем привет! — громко говорит Окси, получая улыбки и приветствия в ответ.

— Мы вас уже заждались! — визжит Маруся. — Садитесь со мной!

Она двигается к краю, перебирая в воздухе пухлыми ножками, которые украшают несчастные стрекозы. Оксана демонстративно оглядывает другие лавочки и ведет меня за собой в самый центр тусовки

— Спасибо, Маруся. Увидимся позже, — бросаю через плечо.

Ищу Богдана взглядом, но безуспешно, зато слышу гоготание Вадика. А где один, там и второй. Подходим ближе, замечаю Кота. Он сидит на скамейке на корточках, точно воробей на жердочке. Руки расслабленно лежат на согнутых коленях, голова немного опущена, но я отчетливо вижу улыбку и шkodный прищур. Наверное, только что пошутил и доволен собой.

— О! — басит Шевчук, толкая Кота. — Оксанка и Ли-сецкая...

Не разбираю конец фразы из-за хохота ребят с противоположного «кубика». Кот спрыгивает на землю и направляется к нам, размахивая руками. Меня всегда забавляла его походка и умиляли едва заметные ямочки на щеках. Оксана дергает меня за руку, усаживая на свободное место. Богдан останавливается напротив.

— Что это? — Он тычет пальцем в мою футболку, и я автоматически опускаю голову. — Попалась! — хватает меня за нос.

Бью его по руке, собираясь вскочить и как следует оттягать его за уши, но получаю по ноге острым крылом стрекозы, а в мыслях слышу: «Хватит уже быть для него лисичкой-сестричкой».

— Оксан, где вы были? Я, кстати, принес, что ты просила.

Вадик двигается ближе, разогнав несколько ребят, и протягивает через меня банку с пластмассовой трубочкой.

— Спасибо. — Подруга принимает дар и открывает его с шипящим звуком, как в рекламе «Пепси». — Мы из-за свидания Бо опоздали. Еле ее отвоевала.

Ложь неприятной тяжестью ложится на грудь. Мне не нравятся такие методы, но приходится молчать. Поднимаю глаза на Богдана, который смотрит на меня с... уважением? Он рад? Супер! Отличный план...

— Свидания? У Лисецкой? С кем? С вымышленным парнем?

— Единственное, что здесь вымышленное, Шевчук, так это твое чувство юмора, — язвлю и одновременно качаю головой, отказываясь от предложения Окси сделать глоток ее напитка.

— А еще твоя грудь, — не унимается одноклассник.

— Вадик, ты что, бессмертный? — вмешивается Кот. — Бо, я тебе тоже попить принес.

Он протягивает мне открытую стеклянную бутылку.

— Смешно, — морщу нос, отворачиваясь.

Слышу отголоски счастливого смеха ровесников. Он колючий, словно стая ежей, которая решила дружно

меня обнять. Щеки касается холод. Богдан снова стоит передо мной — и в его руке... «Алоэ»!¹

— Твои любимые сопли, — усмехается Кот.

Буря в душе утихает. Хватаю бутылку, откручиваю крышку и делаю несколько глотков.

— Сам ты сопля, это напиток богов. А ты вообще-то спортсмен, не забыл? И все вот это, — указываю пальцем, — вредно!

— Завела шарманку, — раздраженно вздыхает Вадик.

— А ты, Шевчук, не отлынивай. Продолжай в том же духе, и тогда мне не так уж долго придется терпеть твою рожу.

— Что ты имеешь в виду?

— А ты погугли.

Вечер закручивается в предсказуемую спираль событий. Разговоры о прошедшем лете, нытье о предстоящей учебе. Шутки, приколы. Кто-то включает портативную колонку. Сквер шумит под заводной ритм модной песни. Народ наслаждается последним днем беззаботных гулянок перед школьной рутинной.

Бросаю взгляд на параллельный «Д»-класс, сидящий в стороне, и, конечно же, она тоже смотрит. Таня Головань — верная поклонница Богдана. Они знакомы с пеленок, живут в одном доме. Таня уже давно перестала скрывать свои чувства, если вообще делала это. У них с Котом тоже есть своеобразная традиция: каждый год

¹ Безалкогольный негазированный напиток «Aloe vera». — *Прим. автора.*

на день всех влюбленных она признается ему в любви и предлагает встречаться и каждый раз получает отказ, но... Упертости и смелости ей не занимать. Головань не сдается.

Мне бы ее силу воли.

— Бо сказала, что ты был на сборах? Это что-то вроде лагеря для спортсменов? — спрашивает Оксанка, болтая ногой в воздухе.

Нас окружает почти вся сильная половина класса. Мальчики неотрывно наблюдают за каждым движением Ромашовой и ловят каждое слово, едва ли не пуская слюни. Мне их даже жаль. Бедняги...

— Ну да... — отвечает Богдан.

— И как там? Было что-то интересное?

И тут начинается кошачье представление. Богдан рассказывает истории о поездке, взрывая животы слушателей. Все в ролях и с наглядными примерами. Вокруг собирается целая толпа. И я тоже не могу оторвать от него взгляд.

Ему действительно было весело этим летом, и это здорово. Я рада за него, но почему-то чувствую слабые объятия грусти. Осталось всего два года, а потом мы разъедемся по разным городам, поступив в университеты. Будем ли мы дружить? Будем ли общаться? Ведь уже сейчас он уехал на месяц и почти забыл про меня.

Упускаю момент, погрузившись в мысли, а когда возвращаюсь в реальность, Кот стоит с задранной футболкой, демонстрируя пресс.

— Ну-ка, ну-ка! Давай я заценю, — хохочет Оксана, вытягивая руку.

— Да пожалуйста, — смело отвечает Кот.

— Неплохо, неплохо... — Оксанка изображает известный интернет-мем, поглаживая его живот. — Бо, попробуй ты!

Сжимаюсь, желая уменьшиться до размеров песчинки, а лучше совсем испариться. Лицо вспыхивает, а во рту становится сухо. В панике хлопаю ресницами, глядя на подругу. Богдан, как назло, воспринимает ее предложение с большим энтузиазмом:

— Давай, Лисенок. Хочу услышать мнение настоящего эксперта.

А в тыкву, которая у него вместо головы, он получить не хочет?

— Ты его только что услышал, — бурчу я. — Спрячь пузо, Кот. Не на пляже.

— Лисецкая засмушалась, — присвистывает Вадик.

Бросаю на него косой взгляд, а в ответ получаю насмешливую полуулыбку. Ну все! С меня хватит! Поднимаюсь на ноги, заставляя Богдана сделать шаг назад, и поворачиваюсь к Оксане:

— Мне уже пора.

Она смотрит на меня с укором и встает:

— Конечно, идем.

— Нет, ты оставайся. Я сама... — Поднимаюсь на носки и чмокаю Оксану в щечку. — Увидимся завтра.

Не дожидаясь реакции, проталкиваюсь сквозь толпу ребят. Задыхаюсь от их количества и давящих взглядов, но упорно делаю вид, что спешу по важным делам. И только одна пара глаз смотрит с искренним сочувствием — Маруся. Она слабо улыбается мне, как бы намекая,

что понимает. Коротко киваю ей и сворачиваю на дорожку, что ведет на выход из этого веселого местечка.

— Бо!

Шустрый топот слышится за спиной. Еще лучше!

— Да погоди ты! Куда стартанула?

— Я найду дорогу домой, Кот. Можешь возвращаться и дальше веселить народ. Советую начать деньги брать. Озолотишься.

— Что с тобой такое?

Богдан пристраивается рядом, замедляя шаг.

— Ничего.

— Серьезно? А вот я так не думаю. Если это из-за Вадика, то я с ним поговорю. Не знаю, почему он вообще к тебе все время цепляется. Может, ты ему нравишься?

— А может, потому, что в седьмом классе я вылила ему на голову банку с водой на уроке рисования? А в восьмом стакан компота. А в девятом...

— Залепила ему в рожу куском торта в его день рождения, — весело продолжает Богдан.

— Вадик всегда сам напрашивается. Не я это начала.

— Да уж. Хорошо, что я дружу с тобой, а не...

Получаю холодным ветром по лицу. Не хочу сейчас ничего слышать про нашу дружбу.

— Я обещала маме помочь искупать Гелю. Со мной все нормально. Иди обратно.

— А я обещал твоему отцу, что провожу тебя. Видишь, мы оба примерные дети.

— Ага, — поворачиваюсь, выгибая бровь. — Особенно ты.

Алекс Хилл

— Особенно я, — улыбается Кот и кивает, прогоняя все дурные мысли из головы.

Вообще все мысли! Ненавижу его за это и одновременно...

Какая же я ду-у-ура!

Интересно, это когда-нибудь прекратится? Эти выворачивающие наизнанку чувства, когда смотришь на человека и улетаешь в другое измерение. Когда он кажется идеальным, хотя это далеко не так. Когда отчаянно желаешь увидеть в его глазах хоть каплю ответных чувств.

Глава 3

Шагаем с Богданом по темному двору плечом к плечу.

— Ита-а-ак, — тянет он.

— Что?

— Значит, свидание? С кем? Я его знаю?

Ого. До отца ему еще далеко, но старт взят хороший.

Столько вопросов. Оксана, конечно, молодец, но легенду она мне не рассказала. Самой все придумывать?

— М-м-м, — жую нижнюю губу. — Да там... Ну... Ничего серьезного.

— Ты и свидание? Это очень даже серьезно.

Чувствую на себе его взгляд, точно капли ледяного морозящего дождя. Ненавижу врать и сейчас не хочу этого делать, но признаться во лжи еще хуже...

— Проехали! Лучше расскажи, как там с Настенькой?

— Хорошо.

— И все?

— Тебе нужны подробности? У нее такие классные...

— Стоп-стоп! Все ее прелести можешь обсудить с Вадиком, — фыркаю я и, забывшись во вспышке нервозности, неудачно ставлю ногу на камень. — Ай!

Теряю равновесие, и меня подхватывает пара сильных рук.

— Осторожнее, — тихо говорит Кот, сжимая мои плечи.

Поднимаю голову. Сердце предательски вздрагивает под пристальным взглядом серых глаз. Раньше такого не было. По крайней мере, не так остро. Это же Богдан. Мы могли заснуть рядом и проспать до утра в одной кровати, беситься и таскать друг друга по комнате. Прикосновения... Это всего лишь обычные прикосновения, но почему-то теперь они такие, словно бьющие током прямо по венам.

— Порядок, — произношу, отстраняясь. — Спасибо.

Продолжаем путь в неловком молчании. Едва сдерживаюсь, чтобы не перейти на бег и не скрыться за дверью подъезда как можно скорее. Если он узнает... Догадается...

— Бо, у тебя что-то случилось?

— Нет, все хорошо, — отвечаю поспешно.

— Я же вижу...

— Тебе кажется.

— Ты что-то скрываешь. Дерганая и злая. В чем дело?

— Да нормальная я!

— Ага. У меня аж уши заложило.

А-а-а... Это фиаско, братан...

— Все... — выдавливаю я.

Кот хватается меня за руку, останавливая. До спасительного укрытия осталось всего десять шагов. Ветер качает кроны старых лип, и шелест их листьев шепчет, что я дура.

— Эй, Лисенок. Ты на меня обижена? Я что-то сделал?

Не могу набраться смелости, чтобы посмотреть ему в глаза, поэтому разглядываю пальцы, сжимающие мое запястье.

— Нет. Я просто... Не знаю... Ты...

Хочу признаться хотя бы в том, что скучала, что рада его видеть. Поделиться переживаниями насчет десятого класса. Излить душу так же, как делала раньше, но... не могу. Язык прилипает к нёбу. Ни слова. Впервые за столько лет у меня такое чувство, что Кот не поймет.

— Ну почему?!

Поднимаю голову, услышав знакомый голос, и вижу, как мама оттаскивает папу от окна. Шпионы, блин!

— Они уже все равно заметили. Богдан! Привет, сынок. Заходите к нам. Чего на улице стоите?

— Здравствуйте, дядь Леш. Да мне уже...

— Леша! — возмущается мама. — Отстань от детей!

— Ладно, — вздыхаю я и выкручиваю руку из цепкой хватки. — Я пойду. Спасибо, что проводил. Увидимся завтра в школе.

— Я тебе еще напишу.

— Окей, — бросаю я и скрываюсь за дверь.

На часах одиннадцать вечера, лежу в кровати и держу в руках телефон. Прожорливый зверек самобичевания устраивается на животе и противно хихикает. Я ведь успешно держала свои чувства к Богдану под контролем, так почему сейчас? Почему они рвутся наружу? Еще и Окси со своим планом, который больше навредил, чем

помог. Богдан не пишет мне, хоть и обещал. Это как раз то, чего я боялась. Дистанции, которая в скором времени перерастет в пропасть. Шлю сопливые сообщения Оксанке, но и они остаются без ответа. Кручусь, путаясь в одеяле. Десять раз переворачиваю подушку и в скором времени забываюсь в беспокойном сне, чувствуя прохладу одиночества.

— Опаздываешь! — кричу, вскакивая со скамейки у фонтана.

— Прости, проспала, — говорит Оксана, поправляя воротник идеально выглаженной блузки молочного цвета.

— А так и не скажешь.

Она берет меня под руку и очаровательно улыбается:

— Макияж и прическа творят чудеса.

— Неправда. Это все потому, что ты ведьма.

Направляемся к школе и вливаемся в толпу страждущих.

— Прости, что не ответила вчера, Бо. Была на разведке.

— В смысле — на разведке?

— В прямом. Мне есть что тебе рассказать. Очень-очень много всего интересного, — воодушевленно произносит подруга.

— Расскажи сейчас!

— Это долгий разговор.

— Предлагаешь мне терпеть весь день? Сказала «а», говори «б».

Оксанка загадочно подмигивает мне. На ее лице буквально светится «джекпот». Поднимаемся на второй этаж и заходим в класс, где нас ждут сорок минут геометрии. Подруга никак не реагирует на мои мольбы хотя бы намекнуть на суть предстоящего разговора, но я не сдаюсь.

— Окси-и-и... Ты хочешь, чтобы я мучилась?

Плюхаюсь на свое место и расстегиваю сумку. Оксанка присаживается на край соседней парты:

— Вообще-то ты заслужила. Сбежала вчера, как жалкая зайчишка-трусишка. Но зато Кот...

— Ш-ш-ш... Ты можешь потише?

Кручу головой, осматривая сонных одноклассников — ленивцы в замедленной съемке.

— Да кому ты нужна? — усмехается подруга и продолжает тише: — Зато Кот вчера бросился тебя провожать. А потом и еще кое-кого...

— Кого?

— Я начала следующий этап плана по вашему сближению.

Сжимаю карандаш в руке.

— Кстати, об этом...

— Доброе утро! — здоровается Маргарита Ивановна так громко, что звенит в ушах.

В класс залетает еще несколько человек, среди которых и Богдан, а за ними несется трель звонка. Оксанка спрыгивает с парты и садится на стул. Поворачиваюсь вправо. Мы сидим через проход, но болтать нам это не поможет. Кот занимает место рядом со мной и роняет голову на сложенные на парте руки.

— Ты спать не пробовал? Слышала, после этого чувствуешь себя бодрым, — говорю вместо приветствия.

— Сон для слабаков, — бубнит Кот.

— Вы, наверное, забыли, что я не терплю опозднов, — говорит математичка. — Кошник, сядь нормально! У нас здесь не курорт!

Богдан покорно выпрямляется, и я усмехаюсь. Маргоша — женщина-гром. Похлеще Ульянушки.

— Открываем тетради и учебники. Времени на раскачку у нас нет. Через два года экзамены, и мы начинаем готовиться прямо сейчас.

По классу проносится хор вздохов и шелест бумажных листов. Поверх моей тетради падает маленький конверт. Скашиваю взгляд на Окси и аккуратно разворачиваю послание.

«Не хочу, чтобы ты страдала. Пляши, Бо. Твой Кот свободен. Нет у него никакой девушки».

Хлопаю ресницами, снова и снова перечитывая корявый почерк подруги. Что? Как? Почему? Смотрю на Богдана, пытаюсь поймать волны его настроения. Он расстроен или нет? Непонятно...

— Что-то не так? — шепчет Кот, встречая мой пристальный взгляд.

— Э-э-э... Нет, — мотаю головой.

Богдан протягивает мне скатанный в шарик кусочек бумажки:

— Передай это Оксане.

На автомате выполняю просьбу, наблюдая за подругой и ее реакцией. Она разворачивает записку и тут же отвечает на нее. Не понимаю, что происходит. До конца